ВЕСТНИК ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2019 г. Выпуск 3 (54). С. 41–47

DOI: 10.17816/byusu20190341-47
УДК 004.42:378

Е. А. Розенко

ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕСТРУКТИВНЫМ ИДЕОЛОГИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ

В статье анализируются проблемы противодействия деструктивным идеологиям, получившим распространение в российском обществе настоящего времени. Данные идеологии имеют криминальный характер, и предопределяют последующее развитие экстремистской и террористической деятельности в Российской Федерации. Принадлежность представителей молодежи к той или иной деструктивной идеологии находит непосредственное отражение в их повседневном поведении. Автор рассматривает особенности наиболее общественно-опасных деструктивных идеологий. Одним из последствий распространения деструктивных течений является развитие ненависти и(или) вражды к другим лицам на основании расовой принадлежности, национальности, религии, вероисповедания и других признаков. Пропаганда деструктивных идеологий преследует цель вовлечения в различные по формату противоправные объединения новых лиц. Масштабное распространение деструктивных идеологий обусловлено процессами глобализации, которые имеют качественные характеристики. В заключении, высказываются предложения по совершенствованию правового механизма, направленного на противодействие деструктивным идеологиям.

Ключевые слова: деструктивные явления, правонарушения, преступность, экстремизм, терроризм, молодежь, несовершеннолетние.

E. A. Rozenko

LEGAL RESPONSE TO DESTRUCTIVE IDEOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS, FEATURES, TRENDS

The article analyzes the problems of countering destructive ideologies that have become widespread in the Russian society of the present time. These ideologies are criminal in nature, and predetermine the subsequent development of extremist and terrorist activities in the Russian Federation. Belonging of young people to this or that destructive ideology is directly reflected in their daily behavior. The author considers the features of the most socially dangerous destructive ideologies. One of the consequences of the spread of destructive currents is the development of hatred and (or) hostility to other persons on the basis of race, nationality, religion, creed and other characteristics. Propaganda of destructive ideologies pursues the purpose of involving new persons in various illegal associations. the large-Scale spread of destructive ideologies is caused by the processes of globalization, which have qualitative characteristics. In conclusion, proposals are made to improve the legal mechanism aimed at countering destructive ideologies.

Keywords: destructive phenomena, offenses, crime, extremism, terrorism, youth, minors.

В настоящее время актуальность проблемы противодействия деструктивным идеологиям в Российской Федерации обусловлена расширением количества участников противоправных и преступных идеологий экстремистского, террористического, сектантского и иного криминального характера. Масштабное развитие данного противоправного общественного феномена требует разработки правового механизма противодействия в области административно-

го и уголовного права с учетом текущих криминологических исследований. Если нейтрализация деструктивных намерений (токсичного контента) возможна путем разъяснительной деятельности в учебных заведениях, то эффективная борьба возможна только с помощью административной и уголовной репрессий.

На текущий момент широкое распространение деструктивных идеологий наблюдается в сети интернет, которая превратилась в основную «площадку общения» молодежи. И. Ашманов и Н. Касперская считают, что в Рунете в них вовлечены порядка 5 миллионов аккаунтов российских подростков (35 % от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти [3, С. 3]. Общественная опасность данного процесса состоит в том, что последователи деструктивных идей в дальнейшем становятся сторонниками радикальных (преступных) воззрений. В основном деструктивные идеологии распространяются среди молодежи, которая определена как целевая аудитория. Идеологии различного толка превратились в востребованный информационный «товар» в связи с тем, что предлагают «простые» решения насущных проблем молодых людей и несовершеннолетних. Данный процесс сочетает в себе две стороны: организованность и стихийность, где находят себе применение различные манипуляторы, использующие социальное медийное пространство в криминальных целях. Поскольку именно молодежь проводит большое количество времени в интернете, то их личным информационным пространством пытаются воспользоваться: за последние десять лет сформировались устойчивые деструктивные движения со своими идеологическими принципами и миллионами пользователей (!).

Необходимо признать, что различные аспекты противодействия криминальному экстремизму и терроризму в рамках уголовного права и криминологии рассмотрены в трудах В. А. Авдеева [1], П. В. Агапова [2], С. В. Борисова [4], В. П. Емельянова [7], Л. И. Залихановой [9], И. Я. Козаченко [10], О. Н. Коршуновой [11], В. В. Меркурьева [13], М. Ю. Павлика [14], А. И. Рарога [15], С. В. Розенко [16], Р. С. Тармаева [18], А. Г. Хлебушкина [19] и др. Но проблема противодействия и профилактики деструктивных идеологий требует самостоятельного научно-теоретического осмысления и выработки правовой концепции борьбы с указанным явлением.

В научной литературе в качестве наиболее общественно опасных течений деструктивных идеологий следует выделить наркоманию, экстремизм, анархию, склонение к самоубийству, ультрадвижения, скулшутинг, терроризм. При этом они взаимосвязаны между собой, и всякая деструктивная идеология имеет крупную группу участников, определяющую тренды и правила деятельности.

Еще одиннадцать лет назад Г. Сапожникова писала, что, по опросам ВЦИОМ, ксенофобия для российского общества пока еще не стала самой главной проблемой: 44 % опрошенных не считают правильным лозунг «Россия для русских». Но остальные 56 % путь от советского интернационализма до национализма преодолели всего за 15 лет [17]. К сожалению, необходимо признать, что деструктивные явления в первую очередь распространяются в виртуальной среде: предлагаемые для молодежи варианты «образа врага» получают последователей среди неравнодушных несовершеннолетних. А поскольку растет количество пользователей интернета, то и возрастает возможность увеличения числа представителей радикальных течений.

Агитация в интернете позволяет создателям отдельных групп в социальных сетях рекламировать среди несовершеннолетних не просто девиантное поведение, а именно преступное: массовые и серийные убийства; доведение до самоубийства; жестокое обращение с животными; объединения, посягающие на личность и права граждан (сатанизм, псевдомистические культы и др.); неонацизм; ритуальные убийства; посягательства на сотрудников правоохранительных органов; массовые беспорядки; совершение террористических актов; оправдание терроризма; содействие террористической деятельности и т. д. Особая сложность данной ситуации состоит в том, что у российского государства и общества отсутствуют действенные правовые механизмы противодействия данным противоправным явлениям и деятельности. Поскольку наблюдается длительный и содержательный процесс формирования общего деструктивного фона, то он влечет за собой такие последствия: замещение и подмена традиционных общественных ценностей;

деструктивная информация в социальных сетях, где преимущественно находятся подростки, становится массово преобладающей и распространенной; виртуальная реальность предопределяет и искаженное поведение в объективной реальности; количество последователей деструктивных идеологий увеличивается; радикализм становится модным и рекламируемым; формируется и предлагается определенный психологический тип поведения.

Пропаганда деструктивных идеологий служит цели вовлечения в различные по формату противоправные объединения новых лиц (особенно имеющих определенное благосостояние), где пристальное внимание уделяется формированию целевой аудитории. Побуждение граждан к совершению противоправных деяний осуществляется посредством подстрекательства, то есть используются любые способы воздействия на интеллектуальные и волевые процессы человека: к совершению уголовно наказуемых деяний, так и других правонарушений, применим любой способ, связанный с угрозой, обманом, советом, просьбой, призывом к чувствам и т. п. Данные способы имеют широкий спектр и носят комплексный, сложносоставной характер.

Данные действия имеют разнообъектную направленность, но прежде всего они направлены не на права и свободы конкретной личности, а на основы конституционного строя и общественную безопасность, так как создают общественную «атмосферу» вражды и насилия по признаку расы, национальности и т. д., то есть создают чувство незащищенности каждого отдельного человека. И. М. Губерман отмечает, что «гордыня – это прежде всего чуткость к ущемлению. Чувствительность к обиде по национальной принадлежности, еще фантомной и предполагаемой обиде, и к выдуманной в том числе, – присуща нам вне всякой зависимости от характера и интеллекта» [6, С. 217].

Одним из последствий распространения деструктивных течений является ненависть и(или) вражда по отношению к расе, национальности, религии, вероисповеданию и т. п. Возбуждение ненависти или вражда к особо важным компонентам жизнедеятельности каждого конкретного человека общественно опасны тем, что они затрагивают его самоидентификацию (принадлежность к этносу, религиозному вероисповеданию и др.). С момента рождения каждый человек связан незримыми связями с окружающими людьми, семьей и обществом. В свою очередь, способы разжигания указанных негативных процессов могут быть самыми различными.

И. Ашманов и Н. Касперская, на февраль 2019 года, сформировали список опасных деструктивных движений социальных медиа, в который включены: 1. Ультрадвижение – ультрас, А.У.Е., А.С.А.В., околофутбола, лесное движение, хулиганы, где вовлечены более 6 миллионов человек (из них более 1 миллиона подростки); анархизм – вовлечены более 697 пользователей; девиантное поведение, в том числе шок-контент, – вовлечены более 630 тысяч пользователей; убийства, серийные убийства, пытки – группы о маньяках, серийных убийцах – вовлечены более 300 тысяч пользователей; сатанизм – вовлечены более 150 тысяч пользователей; наркомания – вовлечены более 80 тысяч пользователей; нацизм – вовлечены более 48 тысяч пользователей; скулшутинг – массовые расстрелы в школах – вовлечены более 18 тысяч пользователей [3, С. 5].

Развитие данных деструктивных движений во многом обусловлено процессами глобализации. В юридической науке рассматриваются отдельные аспекты данного процесса. В. В. Лунеев считает, что «да, глобализация неизбежна, в нее надо профессионально встраиваться, чтобы не оказаться совсем за бортом мирового развития. Однако это не означает, что в целях минимизации негативных последствий не следует оценивать (особенно применительно к криминологической тематике) ее социально опасные и криминогенные тенденции, возможная печальная реализация которых при условии бездействия также будет закономерной» [12, С. 121]. Факторами процесса глобализации выступают: информатизация; коммуникации; сетевые структуры. Каждое новое поколение в большей мере вовлекается в состав информационного общества.

Принадлежность несовершеннолетних и других лиц к той или иной деструктивной идеологии находит не только отражение в их повседневной деятельности, но и изменяет мировоззренческие позиции, что может наблюдаться окружающими непосредственно. В частности:

1. Приоритет мнения ближайшего окружения: снижение способности к самостоятельному мышлению и принятие решений исходя из мнения ближайшего окружения и стереотипа поведения идеалов социальной группы.
2. Идеалы данной группы формируются и предопределяются в социальных сетях.
3. Социальные сети становятся основной «площадкой общения» для молодежи и несовершеннолетних, где радикальные идеологии получают широкое распространение в силу того, что государственное вмешательство существенно ограничено.
4. Избежание и отрицание всякой юридической и моральной ответственности с обязательной переадресацией их другим лицам.
5. Авторитетом и влиянием пользуются представители того же возраста, а не взрослые, которые признаются несовременными, неактуальными, глупыми, устарелыми, реакционными, ниже по уровню развития.
6. Замена норм морали и общечеловеческих ценностей, которые декларируются как общественный пережиток. Стремление бороться со старыми правилами объявляется как прогрессивное явление, где не предлагается что-то новое, а уничтожаются («аннигилируются») определенные моральные (правовые) ценности (блага). В данном случае речь идет не об обычном подростковом максимализме, а о радикальных воззрениях. Построение массового общества потребления предопределяет развитие массовой культуры, где формируется необходимое общественное мнение, разрушающее мораль.
7. Все идеологии противопоставления воспринимаются как насыщенная и яркая жизнь, все повседневное – обычное, скучное, непривлекательное. Происходит явное заимствование поведения антигероев сериалов, фильмов, роликов и т. п.
8. Права – заявляются, обязанности, даже в малейшем объеме, –отвергаются (никто и никому ничего не должен!).
9. Идеология разрушения становится всемерной и обязательной к исполнению: психика, тело, ближайшее окружение, семья, общество, государство, право, мораль.
10. Деформация личности приводит к длительной антиобщественной и противоправной деятельности. Влияние социальных сетей сказывается не только в копировании девиантного поведения, а и в том, что данное поведение динамично.
11. Отрицание полезности трудовой деятельности.
12. В случае совершения преступного посягательства виновные, как правило, не раскаиваются в содеянном, не думают о последствиях; готовы к совершению нового преступления.
13. Избыток свободного времени и отсутствие социально значимых интересов дополняется низким уровнем образования и отсутствием постоянной трудовой или учебной деятельности.
14. Криминальное поведение по своей форме крайне агрессивно, и подростки быстро оформляются в преступные группы.
15. Потребность в самоутверждении осуществляется через насилие, которое с течением времени ужесточается.
16. Учеба воспринимается как ненужный рудимент, где не просто снижается успеваемость, а выдвигается «обоснованный» отказ от посещения занятий.
17. Нивелирование авторитета взрослых среди подростков.
18. В деструктивных движениях активно используется игровая форма поведения, которая дискредитирует моральные ценности.
19. С одной стороны, отсутствуют действенные механизмы воздействия на сознание, мотивы и волевую сферы несовершеннолетних, а с другой – они не представляют себя вне интернета и социальных сетей. Влияние семьи и школы ограничивается решениями деструктивных идеологий.

20. В школе учитель превращается в «нейтрального субъекта»: запуганного, игнорируемого, снисходительного и обесцененного.

21. Провокационное поведение учащихся быстро размещается в социальных сетях, поскольку попытки воспитания пресекаются обращением к «своей общественности», т. е. преследуется цель – формирование открытого противостояния.

22. Декларируемые ценности никто и никогда не собирается реально воплощать в жизнь, поскольку это бренд для рекламы. Тиражирование и экспансия массовой культуры приводят к противостоянию культур.

23. Деструктивные идеологии создают эмоциональные, а затем и психические отклонения.

24. Представителей деструктивных идеологий условно можно разделить на три группы: «управленцы», «финансисты» и «последователи».

25. Системное влияние осуществляется таким образом, что сначала идеология формирует сознание последователей, а затем они форматируют идеологию.

26. На текущий момент отсутствует эффективное государственное профилактическое воздействие «на опережение» влияния деструктивных идей.

Расцвет деструктивных идеологий в современном российском обществе обусловлен технологической революцией и созданием социальных сетей, которые зачастую плохо контролируются и изменяются. Данная токсичная информация стала удобным «товаром» для широкого круга потребителей.

Многие из деструктивных движений основывают свою деятельность на унижении и пренебрежении достоинства человека, т. е. открыто пропагандируют и рекламируют дискриминационное отношение к определенным лицам в зависимости от определенных признаков (пола, расы, национальности и т. д.)». В данном случае это сопровождается обратным процессом – повышением «статуса» деструктивной идеологии. Преступность определяется тем, что действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц, имеют явный, открытый для окружающих, демонстративный, вызывающий, оскорбительный характер: «приписывание» негативных черт по какому-либо основанию, указанному в законе, либо отрицание положительных свойств. То, что такое поведение преступно, – осознается и игнорируется.

Еще в мае 2006 г. руководители ведущих российских СМИ (ВГТРК, радиокомпания «Голос России», телеканал «Russia Today», информационное агентство «Интерфакс», газеты «Московский комсомолец», «Известия» и др.) обратились к журналистскому и издательскому сообществу по поводу участившихся случаев совершения экстремистских актов. «Мы должны на практике показать, что журналисты не допустят к телерадиоэфиру и к периодическим печатным изданиям политических авантюристов и лиц, проповедующих расовую, этническую, религиозную вражду, ненависть и насилие. Привлекательное с точки зрения рейтинга внутримедийное позиционирование подобных персон может привести и приводит к опасным последствиям…» [8, С. 20]. Но представители деструктивных, включая преступные, идеологий нашли себе место в интернете. В качестве одного из эффективных способов распространения токсичной информации следует признать имиджборды, т. е. (от англ. *Imageboard* – «доска изображений») разновидность веб-форума с возможностью прикреплять к сообщениям изображения, что позволяет осуществлять возможность общения анонимно и формировать особые сленг и культуру. По нашему мнению, не следует признавать в качестве возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства те случаи, когда автор той или иной публикации или выпуска средства массовой информации проводит некорректное сравнение, аналогию или вывод. Конечно же, это вопрос факта, и содеянное должно оцениваться с учетом всех обстоятельств.

Думается, что идеологию деструктивных движений невозможно победить только уголовно-правовыми (репрессивно-принудительными) мерами, и для этого необходимо признать «сильные стороны» данных идеологий: «обиженные и угнетенные» находят в них приют и защиту, помощь, взаимопонимание и поддержку и др. Также достаточно широкое распространение токсичного контента можно отчасти объяснить неэффективностью преж-

них, привычных форм социального контроля. В настоящее время ситуация с объединениями, посягающими на личность и права граждан, претерпела некоторые новации: происходит сращивание с организованными формами преступности.

Деструктивные движения могут видоизменяться в зависимости от реакции потребителей и востребованности контента. Вовлечение молодежи не есть самоцель, главное – переформатирование и навязывание новых политических целей, достигаемых с помощью насилия.

По нашему мнению, особую актуальность имеет проблема культуры наркомании, так как в Российской Федерации не просто сформирована субкультура потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, но она превратилась в системное общественное явление. «Культура наркомании – культура распространения и потребления наркотиков, образа жизни наркоманов и дилеров наркотиков» [1, С. 33]. Следует добавить, что данная культура является воспроизводимой, привлекательной для молодежи и может быть доведена до любого пользователя интернета. Распространяется не только идеология наркотизма, но и формируется посредством данной сети наркотический рынок. Указанную культуру отличает история всего в несколько десятилетий, но она сформировалась как устойчивая воспроизводимая система, где обязательный признак – потребление продукта, запрещенного законом, в обороте, но это дополняется наркокультурой, наркобизнесом, криминальным наркотизмом и психологической зависимостью потребителей.

Происходит парадоксальная закономерность, когда деструктивные идеологии взаимосвязаны между собой и предопределяют иные криминальные угрозы. «К хаосу будут вести религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заменить национально-государственные структуры» [8, С. 125].

Развитие указанных идеологий демонстрирует прекрасное знание их организаторами и руководителями (менеджерами) психологии отдельных лиц и малых групп. «Девиантное поведение является объединяющей темой всех деструктивных групп. Оно может быть характерно как для деструктивных движений, так и для популярных групп в целом. Девиантное поведение социальных медиа основано на желании выделиться, быть «не таким, как все», и для этого выбираются группы, содержащие такие материалы, которые большинство людей не могут воспринимать ввиду отвращения, страха, жалости и т. п.» [3, С. 24].

Основной признак данных идеологий – это последовательная политизация деятельности участников. «Основной ресурс «цветной революции» – люди, готовые к конкретным действиям по «ненасильственному» захвату власти, а в перспективе – к переходу к насильственным методам и практике борьбы с политическими оппонентами. Эти люди собраны в сетевые структуры, прошли специальную подготовку» [13, С. 285]. Думается, что адекватной мерой противодействия выступит расширение пределов административной и уголовной ответственности.

В заключение следует признать, что деструктивные идеологии являются значимой криминальной угрозой и, учитывая их особую общественную опасность, предлагается дополнить Уголовный кодекс РФ положениями об уголовной ответственности: организаторов и руководителей деструктивных идеологий, а также лиц, содействующих их распространению.

Литература

1. Crime of the terrorist character and extremist orientation in the Russian Federation: state and measures of counteraction / V. A. Avdeev, O. A. Avdeeva, S. V. Rozenko, E. V. Znamerovsky [et al.]. – Text : direct // Journal of Security and Sustainability Issues. – 2017. – V. 7. – № 2. – P. 359–368.

2. Агапов, П. В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики / П. В. Агапов. – Текст : непосредственный // Законность. – 2011. – № 10. – С. 13–15.

3. Ашманов, И. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа / И. Ашманов, Н. Касперская. – Москва : Крибрум, 2019. – 38 с. – Текст : непосредственный.

4. Борисов, С. В. Квалификация преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко ; ответственный редактор и предисловие. Н. И. Ветров. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-466-00639-11. – Текст : непосредственный.

5. Меркурьев, В. В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы : монография / В. В. Меркурьев, А. С. Васнецова, Ф. М. Кобзарев ; под общ. ред. В. В. Меркурьева ; Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2020. – 680 с. – ISBN 978-5-392-29246-2. – Текст : непосредственный.

6. Губерман, И. М. Книга странствий. Камерные гарики / И. М. Губерман. – Москва : Эксмо, 2004. – 639 с. – ISBN 5-699-05958-X. – Текст : непосредственный.

7. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 291 с. – ISBN 5-94201-064-1. – Текст : непосредственный.

8. Законодательство и практика масс-медиа. – 2006. – № 5.

9. Залиханова, Л. И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты : учебное пособие / Л. И. Залиханова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 280 с. – ISBN 978-5-4396-0752-5. – Текст : непосредственный.

10. Козаченко, И. Я. О совершенствовании правовой регламентации преступлений экстремистской направленности / И. Я. Козаченко, С. В. Розенко. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1. – С. 115–123.

11. Коршунова, О. Н. Преступления экстремистского характера. Теория и практика противодействия / О. Н. Коршунова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – 325 с. – ISBN 5-94201-476-0. – Текст : непосредственный.

12. Лунеев, В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – издание 2-е, переработанное и дополненное. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – ISBN 5-89123-205-7. – Текст : непосредственный.

13. Меркурьев, В. В. Противодействие криминальным угрозам национальной безопасности России: научное обеспечение практики / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов, Д. А. Соколов. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 4. – С. 48–55.

14. Павлик, М. Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики / М. Ю. Павлик. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. – 372 с. – ISBN 978-5-94201-619-7. – Текст : непосредственный.

15. Рарог, А. И. Уголовный кодекс России против терроризма / А. И. Рарог. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2017. – № 4. – С. 155–178.

16. Розенко, С. В. Развитие экстремистской идеологии в Российской Федерации: аспекты противодействия и наказуемости / С. В. Розенко. – Текст : непосредственный // Правовая культура. – 2017. – № 2. – С. 34–41.

17. Сапожникова, Г. Виноваты ли в проблемах России дворники-азиаты? Часть 2 / Г. Сапожникова. – Текст : непосредственный // Комсомольская правда. – 2008. – 29 апреля.

18. Тамаев, Р. С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы : монография / Р. С. Тамаев. – Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2009. – 263 с. – ISBN 978-5-238-01764-8. – Текст : непосредственный.

19. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации : вопросы квалификации и судебная практика : монография / А. Г. Хлебушкин ; под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Проспект, 2015. – 192 с. – ISBN 978-5-392-20032-0. – Текст : непосредственный.